

Валерий Панюшкин,

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ
(РУСФОНДА), РУКОВОДИТЕЛЬ
ПРОЕКТА «ПРАВОНАПАДЕНИЕ»

Весь мир «слился»

Сирот надо защитить
от побоев или от разочарования

Воспитательница била Кирилла тапком, скрученным полотенцем и венником. Когда венник ломался, в ход шли кулаки. Воспитательница заматывала мальчика в одеяло и заставляла других детей бить заматанного. А если он кричал, то его пичкали таблетками, и он засыпал на целый день. Так рассказывают дети. Верить ли им, действительно ли произошли в московском детдоме №46 описываемые события? Но мы знаем, что трое детдомовцев, свидетелевавшие об издевательствах, разделены и разосланы по детдомам для умственно отсталых, — это факт. А сам подвергавшийся избиениям мальчик прошел и через психушку — это тоже факт.

Первой свидетельствовать об издевательствах над детьми стала Альбина Урбанская, воспитательница 46-го детдома, проработавшая там восемь лет. К ней в группу стали прибегать и прятаться дети из других групп Кирилла, Настя и Вика. Говорили, что их бьют. Иногда прибегала одна Настя. Кирилл через нее передавал записки, в которых рассказывал об избиениях. Одна из таких записок у Альбины сохранилась. Остальные записки Настя отдала мальчишкам из группы Кирилла: они угрожали избить мальчика еще раз, если записки не будут возвращены.

Альбина вместе с детьми ходила к директору детдома Ольге Шевченко. Та обещала разобраться, но разобралась так: перевела Вика и Настю в детдома для умственно отсталых, Кирилла направила в психбольницу, а оттуда — в коррекционный детдом. Живя в коррекционном детдоме, Настя стала посещать продвинутую итальянскую школу. К удивлению педагогов: как это может девочка с умственной отсталостью? После такого мудрого решения Альбина из 46-го детдома уволилась.

Ей никто не верит. Независимая комиссия, расследующая дело, не верит, потому что у Альбины с воспитанницей Настей, дескать, какие-то «особенные отношения» (тут следует сальная ухмылка), хотя все особенные отношения заключаются в том, что Альбина забирает Настю к себе на летние каникулы. Лава создательницы Москвы Владимир Петросян не верит, потому что «что же она восемь лет молчала, а обвинять стала, только когда ее уволили?».

Но кроме свидетельств Альбины Урбанской есть свидетельства и самих детей. Кирилл говорит, что ребята в его группе прятались в шкафах, поджидая его, а когда он входил в помещение — выскрывали и били без всякого повода. А про воспитательницу говорит, что была тапком, что «тапком очень сильный и очень больно бьет». За что била, Кирилл не знает. Предполагает, из ненависти. И Вика, по словам Кирилла, били тоже из ненависти.

Настя рассказывает про Кирилла, что однажды, собираясь на прогулку, он потерял варежку. И за это воспитательница била его венником, а когда венник сломался, то ударила кулаком в лицо и разбила нос до крови. Этого эпизода Настя не видела своими глазами: передает детдомовские слухи. А своими глазами видела вот что: проходила мимо группы Кирилла и видела, что мальчик лежит на полу спеленатый одеялом и одноклассники бьют его в присутствии воспитательницы.

Разбором этого дела глава создательницы Москвы Владимир Петросян занимался лично. Лично разговаривал с Настей и Кириллом. Рассказы Кирилла показали московскому министру правдоподобными — много подробностей вроде слов про «сильный тапок». Рассказы Настя показали неправдоподобными: слишком много пересказывает девочку детдомовские слухи, слишком очевидно ее желание добиться наказания для детдомовской администрации. Не может же министр увольнять директора детдома просто на основании навета воспитанницы. Хотя не может же и не видеть очевидного факта: что здоровые дети переведены в коррекционный детдом.

С другой стороны, воспитательница, обвинявшаяся в издевательствах над детьми, показывала Петросяну стопку благодарственных открыток, которые рисуют для нее дети. И министр склонен верить, что воспитательница любила детьми, как будто у детей не может быть стокгольмского синдрома.

— Конечно, если рассказы детей подтвердятся, то будут уволены и наказаны все по всей строгости, — говорит Петросян. — Но я же не могу сам провести расследование, я же не следователь.

Пока что министр ограничился тем, что объявил директору 46-го детдома Ольге Шевченко выговор и препоручил расследование профессионалам, следователям прокуратуры. Но следователям, да еще в присутствии воспитательницы дети боятся рассказывать то, что рассказывают нам на камеру. Путаются в показаниях, не помнят даты. Почему-то следователям не приходит в голову, что снимать показания у детей надо не так, как у взрослых, а надо в присутствии независимого психолога, который не позволял бы на ребенка давить и отлучал бы правду от вранья.

Про министра Петросяна девочка Настя говорит, что он «слился». То есть Настя надеялась, что министр восстановит справедливость, а он поручил расследование прокуратуре, вызвав тем самым у девочки жгучее разочарование. Если прокурорские закуют дело, Настя подумает, что «слились» и они. И про журналистов телеканала «Москва 24», которые снимали материал, да так и не дали в эфир, Настя тоже думает — «слились». Весь мир «слился», все против Настя и Кирилла. Лава создательницы Петросян понимает, что легче было бы, если бы факты издевательства подтвердились: тогда просто увольняешь и наказываешь взрослых — директора, воспитателей... Министр понимает, что если следствие не подтвердит издевательства, то придется объяснить детям и нам, журналистам «Правонападения», почему детей считают недостойными доверия и слабоумными. Это будет сложнее, чем уволить директора детдома.

У Божены Акининой есть лекарства

30 ноября в «Б», в «Газете.ру» и на сайтах rusfond.ru, «Эхо Москвы», livejournal.com и Здоровье@mail.ru мы опубликовали историю шестилетней Божены Акининой из Хакасии («Краткий ликбез», Валерий Панюшкин).

У девочки острый лимфобластный лейкоз, рецидив болезни с поражением костного мозга. Спасет трансплантация — пересадка маминых стволовых клеток в Институте детской гематологии им. П. М. Горбачевой (Санкт-Петербург). Для предотвращения инфекционных осложнений сейчас нужны высокоэффективные лекарства. Ради сообщить, что вся необходимая на их покупку сумма собрана (1 128 262 руб.).

Ирина, мама Божены, благодарит всех за помощь.

И вот еще новости. Всего с 30 ноября 39 655 читателей «Коммерсанта», rusfond.ru и телезрителей проекта «Русфонд на Первом» исчерпывающе помогли (7 350 582 руб.) 33 тяжелобольным детям.

Спасибо, дорогие друзья!

 полный отчет
rusfond.ru/sdelano

Водоплавающий

Годовалого Артема спасет донорский костный мозг

Казалось бы, что нужно маленькому человеку для счастья? Много чего. И все это у Артема Вострикова есть: любящие его и друг друга мама и папа, бабушки и дедушки, сказочно красивый город Гатчина около Санкт-Петербурга, а главное — сама жизнь, которая ему так интересна, что и на месте-то усидеть нельзя. А люди, люди — сколько их вокруг, больших и маленьких, мужчин и женщин, мальчиков и девочек! С каждым хочется пообщаться, поговорить. Все у Артема есть, а вот счастья пока нет, хотя он-то как раз думает, что есть. Он ведь не знает, что болен. И не понимает, как именно он болен.

Я вот пишу «поговорить», и вы не поверите: разве годовалый мальчик разговаривает? Но Катя, его мама, уверяет: еще как! Не то чтобы вести «беседы с Сократом», но пообщаться — слов хватает.

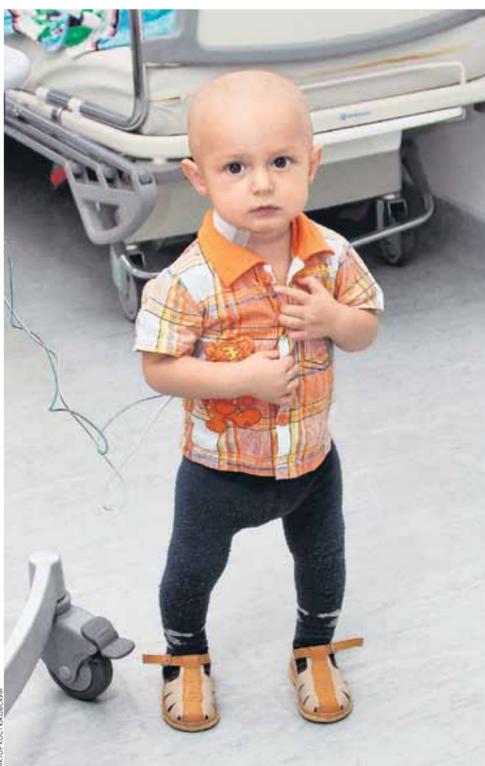
— Да ладно, — сомневаюсь я, — какие там словечка? — Как какие, — отвечает Катя, — «папа», «мама», «дядя», «баба», «мочалка»...

— Что?!

— Да-да, именно «мочалка!» — смеется Катя. — Правда, он говорит «мочалка». После «мамы» и «папы» это его третье слово в жизни. Купаться любит. Прямо водолавающий мальчик, любимое место в квартире — ванна.

Артем заметно опережал своих ровесников в развитии. Раньше начал ходить, говорить, быстрее рос, и Катя радовалась: высоченный — в папу. В октябре поднялась температура, врач сказал, что ОРЗ. Мы часто ругаем местных педиатров, мол, не распознали, не поняли... А как тут распознать: кроме температуры, не было пока никаких признаков. К тому же сама по себе болезнь — миелобластный лейкоз, она ведь довольно-таки редкая, иной врач и за всю жизнь с ней не встретится. Другое дело, когда врач не просто заблуждается, но еще и упорствует в своем заблуждении, а ведь врачу так важно сомневаться. Именно сомнение, например, заставляет направить пациента на анализ крови. Вот у Артема анализ и показал: больше половины клеток крови так называемые бласты. Это такие незрелые клетки, которые ничего не умеют, что положено уметь кровяным клеткам. Одна из них «польза»: сигнализируют о страшном диагнозе — лейкоз!

К тому моменту, когда Катя с Артемом попали после районной больницы в Институт детской гематологии и трансплантологии им. П. М. Горбачевой, болезнь уже так давала о себе знать, что Катя обмирала по десять раз на дню. Какие там разговоры, какое общение с сыном — он только плакал, а в огромных его глазах будто сто-

В октябре у Артема поднялась температура, врач сказал: ОРЗ. Но врачу так важно сомневаться. Сомнение заставляет направить пациента на анализ крови. Вот анализ и показал: больше половины клеток крови — бласты. Это лейкоз

ял вопрос, какого он все равно не смог бы задать. Катя знала, о чем он будто бы пытается спросить, и постоянно твердила, отвечала ему: «Мы справимся, все будет хорошо, потерпи, мы будем жить».

— Я уже знала, понимала, а все равно не верила, — рассказывает Катя. — Мне все казалось, что этот сон, что вот проснусь,

и... Коля, это муж мой, я первый раз видела, как он плакал.

Они долго ждали ребенка, если считать со свадьбы, то три года. А вообще-то можно считать и не со свадьбы. Потому что любовь у них еще со школы. То есть, получается, полжизни они друг друга любили. Я не видел Николая, но по самой Катини интонации понимаю, что это настоящий мужчина, а вместе они — крепкая семья. Катя гордится мужем, она говорит, что он self made man, так англичане называют людей, которые «сделали себя сами». Без связей и благов, собственных способностей и стараниями он сумел стать одной из ключевых фигур в компании, где теперь работает.

— Мы ведь, вообще, нормально живем-то, — говорит Ка-

тя, — мы вовсе не бедствуем. Но вот... — и она удивленно покачивает плечами.

Мне это знакомо: такие сильные, самодостаточные люди, не привыкшие просить о помощи, а даже, наоборот, настроенные скорее помогать другим. — когда они попадают в такое положение, им это странно, неловко, может быть, даже и стыдно. И это тебе приходится объяснять: ребята, у вас же чрезвычайная ситуация, это ведь понятно, что в одиночку мало кто способен с этим справиться. Тем более что Катя с самого рождения Артема не работает. Даже раньше, потому что беременность протекала очень тяжело и она почти весь этот период провела на больничном.

Врачи вывели Артема в ремиссию. Мальчик ожил. Когда я вошел в палату (бахилы, халат, маска), Артем усталый, просто примангилится взглядом и кругами пошел по палате, разглядывая гостя то справа, то слева. Мама и бабушка (она признает иногда в Петербург, смеяется Катю, отпуская ее на денек домой) не мешали ему изучать незнакомого дядю и его фотокамеру, только следили, чтобы не запутались в трубке, идущей к ключице от капельницы — инфузюмата.

Потом Катя сказала, что маска на моем лице помню своей основной роли сыграла еще одну, тоже полезную. Все Артем любит, никого не опасается, кроме... бородачатых мужиков. А почему, никто не знает. Даже Катя.

Ремиссия — это тот период, когда самое время пересадить больному здоровый костный мозг. Братьев и сестер, а значит, родственных доноров у Артема нет, и это плохо. Зато родственных, как показал предварительный поиск, целых 127. И это хорошо. Даже если среди них есть бородачи.

И я очень надеюсь, что когда-нибудь распрощу Артема, чем же это мы, бородачье, ему так насолили.

Давайте поможем Артему жить.

Виктор Костюковский

КАК ПОМОЧЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ АРТЕМА ВОСТРИКОВА НЕ ХВАТАЕТ 992 280 РУБ.

Заведующая отделением Института детской гематологии и трансплантологии имени П. М. Горбачевой Наталья Станчева (Санкт-Петербург): «У Артема тяжелое течение болезни из-за нескольких неблагоприятных факторов — это маленький возраст, изначально высокий лейкоцитоз, генетические поломки. Единственный способ излечения — трансплантация чужого здорового костного мозга. Родственных доноров у Артема нет, он единственный ребенок в семье. Однако предварительный поиск в международной сети донорских регистров обнаружил достаточное количество неродственных доноров. Это удачи. Сейчас Артем принимает химиотерапию, лечение успешно, достигнута ремиссия. Именно в этот период лучше всего провести

трансплантацию. Лечение обязательно должно сопровождаться приемом эфферивных лекарств, которые помогут надежно предотвратить инфекционные осложнения, опасные в этот период. Из госпитариета эти препараты не оплачиваются».

Поиск донора во всемирной базе данных и доставка трансплантата в Петербург обойдется в €20,5 тыс., это 821 556 руб. Стоимость необходимых лекарств — 937 320 руб. То есть для спасения Артема Вострикова требуется 2 192 849 руб.

Наш постоянный партнер благотворительный фонд «Адвита» перечислит 300 569 руб. 750 тыс. руб. внесет ОАО ФСК ЭС, 150 тыс. руб. — ООО ФРЭКОМ. Таким образом, не хватает еще 992 280 руб.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Артема Вострикова, пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в благотворительный фонд «Помощь» (уредители — издательский дом «Коммерсантъ» и руководитель Русфонда Лев Амбидер) или на банковский счет мамы Артема Екатерины Сергеевны Востриковой. Все необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Российская группа
Российского фонда помощи

А смысл?

Россия сохраняет советскую систему организации здравоохранения

Вновь обострилась тема финансирования здравоохранения. То, что любя медпомощь у нас по Конституции бесплатна, знает, наверное, каждый. Но личный опыт любого из нас говорит иначе: тратить на здоровье, хотя бы на лекарства, не говоря уж о дорогих анализах и стимулировании (назовем это культурной) врачей, приходится немалые суммы.

Нам не привыкать жить в двойных измерениях и стандартах. Но этот момент почему-то особенно нервирует. Возможно, потому, что официальные лица уже не скрывают, что здравоохранение и впрямь финансируется недостаточно. Впрочем, на него вроде бы направляется денежный дождь — только напропект «Здоровье» и модернизация системы обошлись в триллионы рублей. Отчеты показывают улучшение там и сям, а 65% населения здравоохранением недовольны. Значит, денег все-таки не хватает?

Точные данные о том, сколько государство тратит на наше здоровье, найти трудно. В 2011 году, по данным Минздрава, потрачено 1,62 трлн руб. Но это только по программам обязательного медицинского страхования. А есть еще затраты федеральной и региональных бюджетов, медицинская наука и т. п.

Удобнее считать по доле от ВВП. Это 3,7%, в то время как в Европе тратят до 8–10%, а в США — 17%. Вот и на недавнем заседании правительства при рассмотрении проекта программы «Развитие здра-

воохранения до 2020 года» возник приличный по форме, но жестокий по содержанию диалог между министром здравоохранения Вероники Скворцовой и министром финансов Антоном Силуановым. Госпожа Скворцова требовала увеличить финансирование к 2020 году до 4,7% ВВП, грозясь в противном случае лишним миллионом преждевременных смертей. Господин Силуанов настаивал на снижении доли здравоохранения до 2,5% ВВП, хотя в абсолютных цифрах финансирование как бы растет. Но лекарства и технологии дорожают, а число больных снижается медленно, и получается, что здравоохранение сажает на голодный паек 90-х.

И вот тут встает вопрос, на который официальные лица не только не шутят ответа, но который и сам по себе воспринимается как крамола. А с каким КПД потрачены все эти безумные деньги, решили ли они хотя бы одну проблему в здравоохранении? Воспомним напропект «Здоровье», прибавку участковым врачам к жалованью 10 тыс. руб., а медсестрам 5 тыс. руб. Что, очереди в поликлиниках стали меньше, а качество услуг выше? Закупили новые автомобили для скорой, повысили зарплаты и там. И что, время «доезда по вызову» резко уменьшилось, а врачи перестали брать мзду за доставку в «хорошую» больницу? Теперь модернизация. Миллиарды потрачены на капремонт больниц и поликлиник. Что, кто-то посчитал, рационально ли латать пять полувековых зданий или разумнее построить одно современное? Закупи-

ли дорогостоящих томографов и ангиографов. А сколько специалистов, умеющих на них работать, есть в регионах? Ответов нет в официальных докладах. Зато их полно на форумах врачей и в блогах пациентов. А уж как доктора костерят власти за «повышение средней зарплаты медиков» — любо-дорого почитать. Минздрав ругают: средняя зарплата врачей в 2012 году выросла до 31 тыс. руб. Да, растет, так же, как «средняя температура по больнице»: верушка и приближенные получают по 150 тыс. руб., а рядовые врачи — те же 10–15 тыс.

Так, может, дело не только в деньгах? Не в провалившихся полах и облупленных стенах, хотя это, конечно, безобразно. Может, не мебель надо менять? А подумать, не изжили ли себя организационные модели 50-летней давности...

Мы все еще сохраняем советскую систему организации здравоохранения, повторяю, как мантру: «Она была признана ВОЗ лучшей в мире». Ну да, в 1972 году. Много социальной воды утекло с тех пор. Жизнь переменялась кардинально. Но шаблоны мышления самые стойкие. Поэтому по-прежнему рапортуют: столько-то денег потрачено, столько-то томографов закуплено. И никто не слышит вопрос доктора из анекдота: «А смысл?»

Ольга Неверова, журналист — специально для Русфонда

полная версия
kommersant.ru/1893,
rusfond.ru/kolanka

Из свежей почты

Генеральный донор благотворительный фонд «Урал» (Башкирия) — все цены ниже на 50 тыс. руб., подробности на rusfond.ru

Сема Колесниченко, 8 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 130 тыс. руб.

После двух лечебных курсов в Институте медтехнологий (ИМТ) Сема даже не выглядит больным, разговаривает, все понимает и общается на бытовом уровне. Сидит без опоры! Таких поразительных результатов добились специалисты ИМТ, а сколько ни лечили сына в реабилитационных центрах — результатов не было. Сема родился семимесячным и получил родовую травму. Он пока не ходит, но двигается увереннее, перестал бояться пространства и многое может сам, хотя полностью себя не обслуживает. В ИМТ считают, что он адаптируется к жизни и в школе учиться будет, если еще полечимся. Два курса мы прошли год назад, а больше оплатить не смогли. У нас еще один сын, на год младше Семы. Муж — дежурный на железной дороге. Вы нам поможет? Наталья Колесниченко, Красноярский край. Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Спастика уменьшилась, улучшилась координация движений и мелкая моторика, расширился кругозор. Семен сможет ходить и еще пойдет в школу, надо продолжить терапию».

Егор Горушкин, 14 лет, сахарный диабет 1-го типа, нужна инсулиновая помпа и расходные материалы. 149 676 руб.

Сахарный диабет у Егора нашли в два года. С тех пор мы боремся с приступами тяжелой гипогликемии, когда уровень сахара в крови опускается так низко, что Егору грозит кома. Он вырос, но уверенности, что с ним ничего не случится, нет ни у него, ни у нас. Ведь у Егора уже отнимались руки и ноги, однажды парализовала лицевой нерв. С постановкой инсулиновой помпы легче будет корректировать дозы инсулина в зависимости от питания и физических нагрузок. Купить помпу мы не можем. Работает только муж, а я воспитываю двоих детей, младшему два года. Помогите нам! Инна Горушкина, Республика Марий Эл.

Главный детский эндокринолог Республики Марий Эл Наталья Макеева (Юшкар-Ола): «У Егора перешел возрастной порог, сейчас особенно трудно стабилизировать течение диабета. Жизненно необходима помпа, она поможет избежать осложнений».

Назар Лопаткин, 3 года, несвершенный остеогенез, требуется курсовое лечение. 160 тыс. руб. Вниманию! Цена лечения 230 тыс. руб. Компания LVMH Perfumes & Cosmetics (Россия) внесла 70 тыс. руб. Не хватает 160 тыс. руб.

Назар — наш третий сын. Старшие — здоровые подростки, а вот у него редкое заболевание. Родился с переломами бедер и руки. Я в толк взять не могла, как такое возможно. В областной больнице поставили диагноз, но сказали, что в России «стеклянных» не лечат, что богатые везут таких детей в Германию, а у нас шансов нет. Никакого лечения, только лежать! Малыш никогда не вставал на ноги. Ему достаточно резко двинуть ногой, чтобы она сломалась. Мы нашли доктора Белову и (спасибо добрым людям!) уже прошли два лечебных курса. Теперь Назарка сидит и потихоньку ползает. Он очень смысленный и разговорчивый, рисует, собирает мозаику. Братья такими не были. Надо пройти еще несколько курсов перед операцией на ножи. Прошу вашей помощи. Муж механизатор в хозяйстве «Дружба», но ему платят не деньгами, а продуктами. Денег у нас — пенсия Назара да пособия в 1,2 тыс. руб. Вера Лопаткина, Забайкальский край. Заведующая отделением педиатрии Европейского медицинского центра Наталья Белова (Москва): «Назар только начал лечение. Для стабильного результата нужен еще как минимум год курсового лечения».

Даня Токаев, 2 года, посттравматическое поражение срединного и локтевого нервов, спасет операция. 190 тыс. руб. Вниманию! Цена лечения 340 тыс. руб. 150 тыс. руб. уже удалось собрать. Не хватает 190 тыс. руб.

Данилка лазал по дивану и упал со спинки на мягкое сиденье, да так неудачно, что сломал правую плечевую кость со смещением. После лечения перелома движение пальцев и кисти не восстановилось. Локоть поднимается, а пальцы полусогнуты и неподвижны. Повреждены нервы и уже происходит изменения в мышцах. Если сейчас не прооперировать, Даня останется инвалидом. Он правша, левой ничего не получает, его не берут в детский сад, и я не могу работать. Муж Kranovitch, на его зарплату и живем. А на операцию нужны большие деньги. Вы сможете их собрать? Евгения Токаева, Белгородская область. Заместитель главного врача больницы им. Н. В. Соловьева Юрий Филименков (Ярославль): «Поражение срединного и локтевого нервов, изменения окружающих нервов тканей и мышц-сгибателей. Предстоит многоэтапная хирургия с пластикой поврежденных нервов и сухожилий, переносом мышц. Мы восстановим функции кисти в полном объеме».

Варя Карпова, 1 год, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 139 100 руб.

Три года я не могла забеременеть, и наконец-то на свет появилась моя дочь. Здоровая, подвижная, росла нам на радость. А полгода назад Варя стала все чаще болеть. Теперь каждый месяц ОРЗ, бронхит, цепаются какие-то инфекции. Все болезни затяжного характера, мы уже не выходим из этого состояния. Врачи сказали, что главная причина заболевания — порок сердца. Если сейчас закрыть его эндоваскулярно, Варя будет развиваться, как все детишки. Оплатить операцию я не в силах. Недавно оформила развод. Алиментов нет, пособие уже не получаю. Место в детсаду дают лишь с трех лет, а пока Варя так болела, даже на очередь не ставят. Перебрались с дочкой к моим родителям-пенсионерам в деревню, мама пошла подрабатывать в санэпидстанции. Я растеряна и прошу о помощи читателей Русфонда. Больше мне надеяться не на кого. Кристина Карпова, Тамбовская область. Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеков: «Дефект межпредсердной перегородки мы закроем щадяще, эндоваскулярно. Надо спешить — у Вари развивается легочная гипертензия».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

 все сюжеты
rusfond.ru/pomogite

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи (Русфонд) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Б». Проверив письма, мы размещаем их в «Б», «Газете.ру», «Комсомольской правде» (Башкирия), «Северной Осетии», «Волжской коммуне» (Самара), «Тверских ведомостях», на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», Здоровье@mail.ru, интернет-портал «БИЗНЕС Online» (Татарстан), ufa.kp.ru и fond-matnat.ru (Башкирия), «15 регион» (Северная Осетия), «Волга-Ньюс» и «Самарские родители» (Самара), в эфире «Первого канала», телекомпаний «Алания», ТЕРРА (Самара), «Апрель» (Тверь), «Вся Уфа», а также Башкирского спутникового телевидения. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт и электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$87,84 млн. В 2012 году (на 15 декабря) собрано 749 647 452 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru; **Телефоны:** 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00. Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».